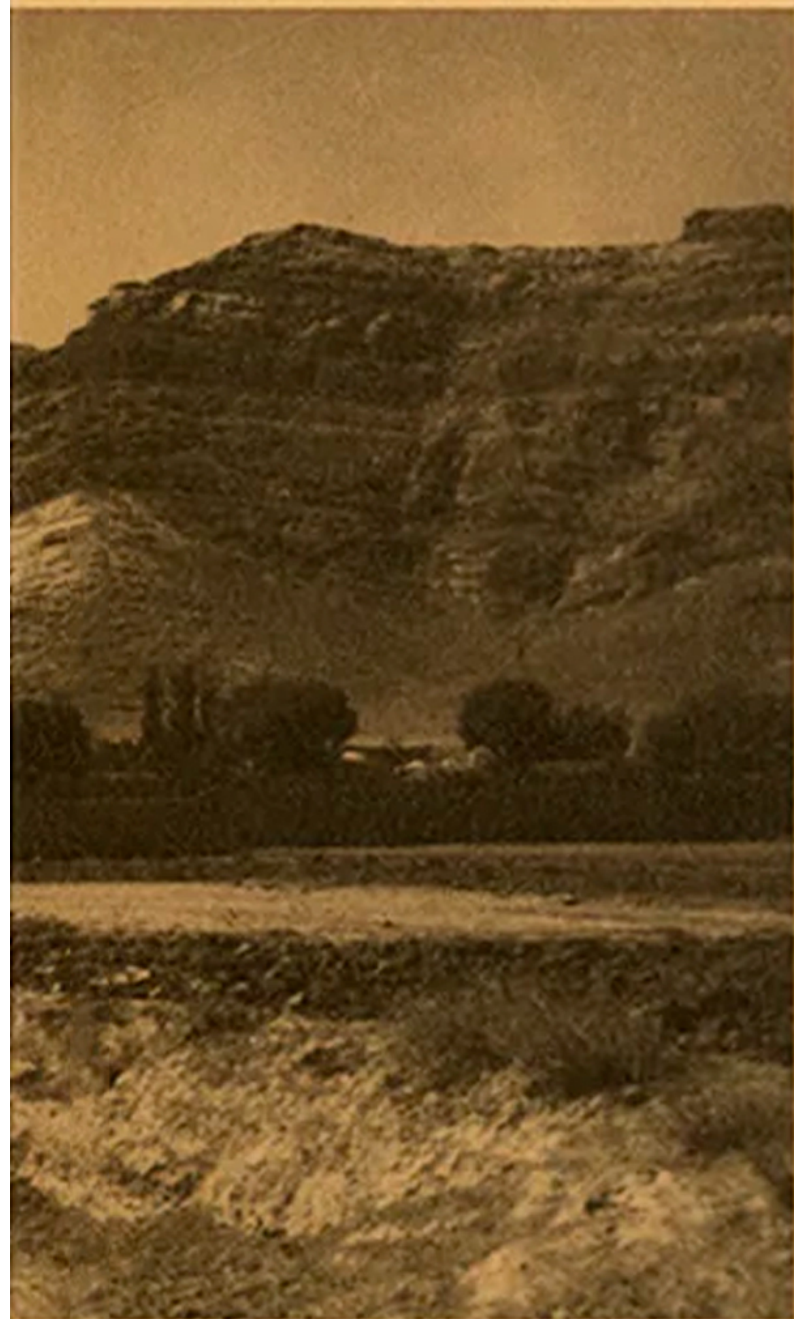

Аннемари
Шварценбах

Смерть
в Персии

اسم گیرنده آن . هاری عبدالجبار
سکونت
تاریخ
موضوع تولد
قومیت
.....

امضای گیرنده جو

Ad Marginem

Аннемари Шварценбах

Смерть в Персии

«Ад Маргинем Пресс»

1940

УДК 821.112.2(494)-31
ББК 84(4Шва)-44

Шварценбах А.

Смерть в Персии / А. Шварценбах — «Ад Маргинем Пресс»,
1940

ISBN 978-5-91103-719-2

«Смерть в Персии» — неоконченный, изданный посмертно роман швейцарской писательницы, журналистки и фотографа, одной из эксцентричных звезд «веймарской эпохи» Аннемари Шварценбах (1908–1942). Неординарное, местами сюрреалистическое, приправленное лихорадкой болезни и опиумным опьянением повествование — под стать личности самой Шварценбах. Автор погружает читателя в свои переживания об одиночестве и безысходности, обреченной влюбленности и отъезде из объята Второй мировой войной Европы, параллельно описывая путешествие по чарующим просторам Персии, так ее пленяющей. Странствуя по чужой стране в поисках своего места в мире, не принимающем ее «инаковость», Шварценбах постоянно думает о смерти, которая за ней, как и за героиней этой книги, неустанно следует по пятам.

УДК 821.112.2(494)-31

ББК 84(4Шва)-44

ISBN 978-5-91103-719-2

© Шварценбах А., 1940

© Ад Маргинем Пресс, 1940

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	26
Предисловие	26
В Тегеране	28
Подъем в счастливую долину	31
Белые палатки нашего лагеря	33
Воспоминания о Москве	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аннемари Шварценбах

Смерть в Персии

Annemarie Schwarzenbach
TOD IN PERSIEN

В книгу вошли фотографии, сделанные Аннемари Шварценбах.

Издательство благодарит Писчурникову Екатерину Петровну, преподавателя кафедры иранской филологии Восточного факультета СПбГУ, за помощь в подготовке настоящего издания.

Перевод: Виталий Серов
Редактор: Анна Баренкова
Дизайн: Олеся Воронина

© Annemarie Schwarzenbach, 1940, 1998

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

* * *

Swissair, 1939

Предисловие

Совершенное бегство Аннемари Шварценбах

Седьмого сентября 1942 года журналистка и фотокорреспондентка Аннемари Шварценбах, снимавшая дом в швейцарском Зильсе-Базельджиа, вызвала экипаж с лошадьё, чтобы поехать на встречу с нотариусом в соседний Санкт-Мориц. Около моста через реку Инн Аннемари встретила подругу на велосипеде и в шутку предложила ей поменяться средствами передвижения. Подруга передразнила ее в ответ: «Ты же не умеешь ездить на велосипеде». «Еще как умею, – возразила Шварценбах. – Я даже умею ездить без рук». Чтобы доказать сказанное, Аннемари села на велосипед, но поездка закончилась тут же: она наехала на выступающий на дороге камень и упала с велосипеда, а при падении ударилась головой. Удар был такой силы, вспоминает ее сестра Сюзанн Оман в документальном фильме «Швейцарская бунтарка» (2000), что, скорее всего, была задета кровеносная артерия. После трех дней, проведенных в коме, Шварценбах перевезли в частную клинику Оскара Фореля в Пранжене, на берегу Женевского озера. Ей ошибочно диагностировали шизофренический эпизод, неделями лечили электрошоком и инсулиновыми уколами. Освободившись из «адского Пранжена», Шварценбах снова вернулась в горы. Через два месяца после полученной травмы, 15 ноября, она умерла в своем доме, в Зильсе. Мать Аннемари, Рене, запечатлела тело умершей дочери на фото-пленке, а затем уничтожила всю ее корреспонденцию и дневники.

Таким был конец истории, начавшейся в конце мая 1908 года: в день, когда после двадцативосьмиградусной жары температура в Цюрихе резко упала, и ночью на город и окрестности выпал снег. В этот день, 23 мая, в семье владельца шелковых фабрик Альфреда Шварценбаха и его жены Рене, наездницы и фотолюбительницы, родилась девочка – Аннемари Мина Рене Шварценбах. Ее биограф и внучатый племянник Алексис Шварценбах считает, что событий подобного рода – снежных штормов посреди тридцатиградусной жары – в жизни его тетки было предостаточно.

Между двумя точками – рождения и смерти – Шварценбах за тридцать четыре года успела очень многое: в качестве фотокорреспондентки она объехала Западную и Восточную Европу, Ближний Восток и Центральную Азию, США и Африку, в архиве ее наследия в Берне хранятся триста журналистских репортажей, рукописи романов – тот, чей перевод вы держите сейчас в руках, «Смерть в Персии», был издан впервые уже после ее смерти – и около семи тысяч фотографий.

Литература и фотография, слово и изображение – эти два медиума сопровождали ее в слепящем от солнца снежном Энгадине, где она проводила каникулы с друзьями и родственниками, катаясь на лыжах, и в желтой выжженной долине на подступах к потухшему вулкану Дамаванду в далекой Персии. Вся ее жизнь после беззаботного на первый взгляд детства прошла в дороге, в движении от одной далекой и неизвестной цели к другой.

«Отправление без цели» – такое название получила выставка ее фотоархива в центре Пауля Клее в Берне в 2020–2021 годах. Клоун во фраке с мелованным лицом и женщина за переносной кассой в эстонском Петсери (сейчас Печоры в России), дымящиеся трубы громады парохода в итальянской Восточной Африке (сейчас – Эритрея), сошедший с рельсов новенький вагон в бельгийском Конго (сейчас – Демократическая Республика Конго), подруга и возлюбленная Шварценбах Марго Линд, шурящаяся на солнце на фоне заснеженных крыш шале в Зильсе, бесконечная каменистая дорога между Исфаханом и Ширазом, девушка в платке, лошади без седел и некрополи в Североосетинском Даргавсе (тогда – СССР, сейчас – Россия). Меняющийся – политически и географически – между двумя мировыми войнами мир остался запечатленным на снимках Шварценбах, а сама она застыла в объективе неизвестного фото-

графа – с поднятой камерой в руках, смотрящая в объектив, сосредоточенная и элегантная, с короткой стрижкой и в полосатом жакете. Гендер Аннемари неуловим, она – воплощение андрогинности, ее часто принимают за юношу.

Шварценбах часто и с самого детства оказывалась по другую сторону камеры, ее мать, Рене, документировала жизнь семьи на фото- и киноплёнку. Знаменитый немецкий фотограф Марианна Бреслауэр сделала, пожалуй, самый известный портрет Шварценбах – анфас, острый воротничок рубашки касается свитера, черты ее лица – пример совершенной симметрии, как у ожившей античной статуи, Аннемари смотрит в объектив, но не на зрителя, ее взгляд – внутри, ее мысли где-то далеко... Бреслауэр и Шварценбах путешествовали вместе по Испании и пережили короткий роман, Бреслауэр назвала Шварценбах «самой прекрасной из всех встреченных в ее жизни существ, она была как архангел Гавриил перед воротами рая».

В 1931 году Шварценбах – ей было двадцать три! – изучавшая историю в Цюрихе и Сорбонне, защитила докторскую по средневековой истории Верхнего Энгадина, опубликовала дебютный роман «Друзья Бернарда», одобрительно встреченный литературными критиками, и перебралась из домашнего гнезда под Цюрихом в берлинский Шарлоттенбург – развивать писательскую карьеру. В то же время она стала неразлучна с «близнецами» Манн, детьми нобелевского лауреата и автора «Будденброков» Томаса Манна – Эрикой и Клаусом. Шварценбах безумно и безответно влюбилась в Эрику – их отношения переросли в дружбу, одну из самых важных в ее жизни. В Берлине она впервые попробует морфий и обретет зависимость (ей же был подвержен и Клаус Манн), избавиться от которой, несмотря на неоднократные курсы реабилитации, не сможет до конца своих дней.

«Золотые двадцатые» Веймарской республики, как именовали период относительной стабильности после Первой мировой, завершились. С 1933 года, когда к власти пришли национал-социалисты, Аннемари еще сильнее отдаляется от семьи, прежде всего от матери, не одобрявшей ее связи с женщинами и дружбу с Маннами. Семья Шварценбах поддерживает националистское объединение «Швейцарский фронт», а Аннемари дружит с немецкими политэмигрантами и спонсирует антифашистскую эмигрантскую газету Клауса Манна «Собрание». Вместе с Маннами Шварценбах покидает Германию в 1933 году, чтобы начать серию непрерывающихся путешествий – бегство от непринимавшей матери (по иронии судьбы, Рене Шварценбах, жену фабриканта и мать пятерых детей, связывали многолетние отношения с оперной певицей Эмми Крюгер), от безответной любви к Эрике Манн, от Европы, накрывающейся тяжелым свинцовым облаком диктатуры национал-социализма и преследования инакомыслящих.

В качестве репортерки газеты *Zürcher Illustrierte* Шварценбах отправится в Турцию, Сирию, Ливан и Персию, затем в советскую Москву – сопровождать Клауса Манна на конгресс советских писателей. В 1935 году швейцарские националисты атаковали кабаре-шоу Эрики Манн «Перечница», с которым она гастролировала в Цюрихе, Манн сочла, что это дело рук матери Аннемари, «упертой нацистки», как она ее называла, – отношения у них были натянутые. Поставленная перед выбором между дружбой с Эрикой и ее отношениями с матерью, Шварценбах не находит иного выхода как решиться на радикальное бегство. Она пытается убить себя – с помощью передозировки снотворного. Ее спасут, и в том же году Шварценбах поедет в Персию, где познакомится и вступит в брак с французским дипломатом Клодом Кларком. Она уже предлагала сделать это Клаусу Манну, чтобы облегчить им обоим жизнь, но тот отказался. Кларк, как и Манн, гомосексуален, и благодаря браку Шварценбах получила дипломатический паспорт, открывший перед ней границы труднодоступных стран.

Именно в это время Шварценбах напишет первый из двух персидских романов – «Смерть в Персии», позже, в 1939 году, во время очередного пребывания в швейцарской клинике, она переработает свои путевые заметки и выпустит роман «Счастливая долина».

«Смерть в Персии» – это автофикшн о безысходности, где границы чужого мира, незнакомого и манящего, оказываются контуром собственной потерянности. Обрывочный, сбивчивый рассказ, сопровождающийся опиумными видениями. Невозможность сближения с молодой турчанкой, медленно угасающей от туберкулеза, делает безысходность еще более густой. Но это, на первый взгляд, тяжелое чтение о депрессии, зависимости и личном тупике содержит в себе горький эффект врачевания. Фигура Аннемари Шварценбах с ее андрогинностью, привилегированностью, зависимостью и одновременно успешной карьерой журналистки и фоторепортерки оказалась удивительно созвучной сегодняшнему времени. Семья, поддерживающая нацистов, друзья в изгнании, а она, несмотря на преодоленные расстояния в тысячи километров, остается привилегированной швейцаркой, белой, богатой, но слишком инаковой, другой, чтобы найти свой дом где-то еще. Она и не пытается это сделать.

В письме американской писательнице Карсон Маккаллерс (Карсон безответно влюбилась в нее, встретив Шварценбах во время поездки по США, – как когда-то сама Аннемари в Эрику Манн) Шварценбах пишет о своей поездке по тогда еще принадлежащему Бельгии Конго, рассказывает о встреченной ею владелице плантаций, тоже родом из Швейцарии: «...с тех пор, как я приехала, тоже швейцарка, тоже носящая брюки, выглядящая для них как юноша, но выдающая себя за женщину, местные из Гомбе и Гваки считают, что все швейцарские женщины такие странные».

После выписки из клиники в Ивердон-ле-Бен в 1939 году Шварценбах снова отправится в дорогу, в одно из самых опасных своих путешествий – вместе с другой швейцаркой, писательницей и фотографом Эллой Майяр. На Ford Roadster V8 они отправятся из Женевы через Балканы, Стамбул, Трабзон и Тегеран в Афганистан – «страну без женщин», как назовет Шварценбах ее в путевых заметках. Путешествие, которое, по задумке Аннемари, должно было принести ей избавление от зависимости, обернулось опиумными делириями и неоднократным пребыванием на больничной койке. Начало Второй мировой войны она встретила в Кабуле. Когда в 1947 году книга Майяр «Жестокий путь» об их путешествии в Афганистан увидела свет, по требованию Рене Шварценбах имя Аннемари в книге было изменено на Кристина.

Шварценбах была близка к смерти от нервного истощения на севере Афганистана, в Кундузе, в Нью-Йорке пережила приступ маниакального психоза и была госпитализирована, она намеренно искала страдания (об этом Майяр пишет в книге об их совместной поездке), а ее альтер эго из «Смерти в Персии» рассуждает о смерти как о чем-то неизбежном, что при выбранном ею образе жизни должно случиться со дня на день. Но смерть настигла ее не в тяжелых условиях горных восхождений или невыносимой влажности африканских тропиков, а дома, в любимом Энгадине, в момент, когда бодрость духа вернулась к ней, – Шварценбах работала над романом, придуманным и начатым во время поездки в Конго. Если жизнь Аннемари Шварценбах, полная противоречий, но вобравшая в себя характерные черты своего времени и класса, стала практически метафорой к раздираемой войной Европе, то ее смерть поставила в конце пути точку универсальности, обнажив хрупкость человеческих намерений.

Ирина Карпова

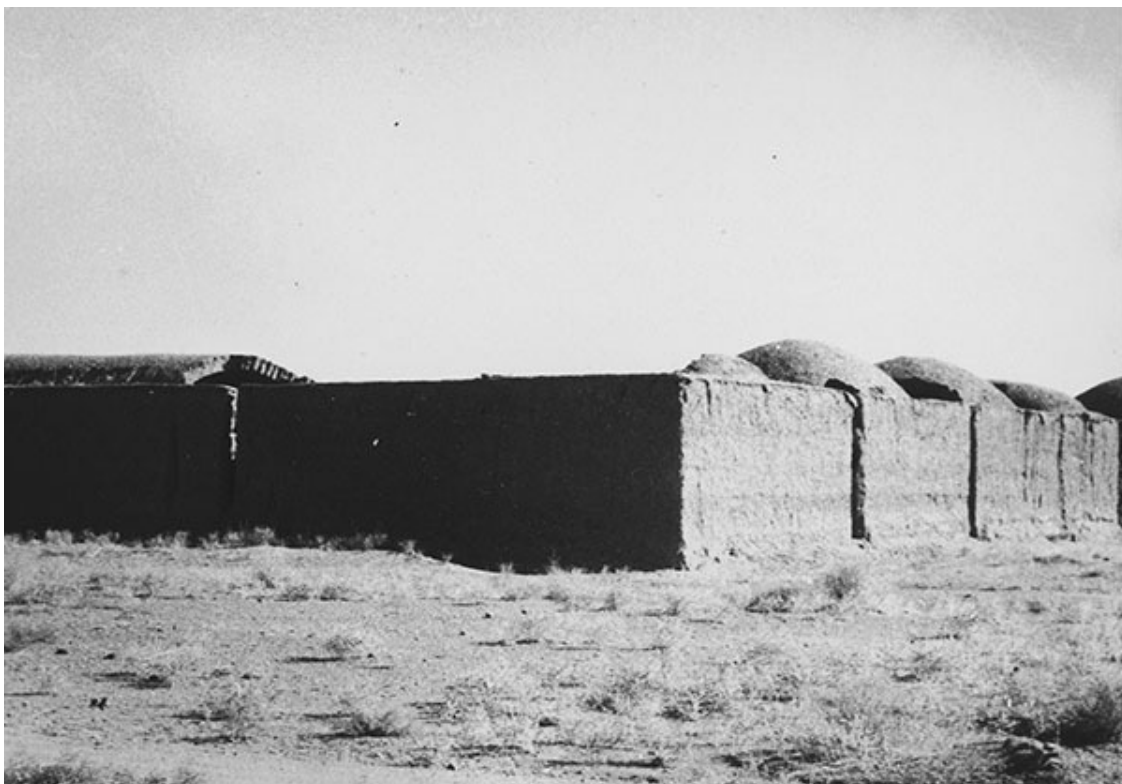

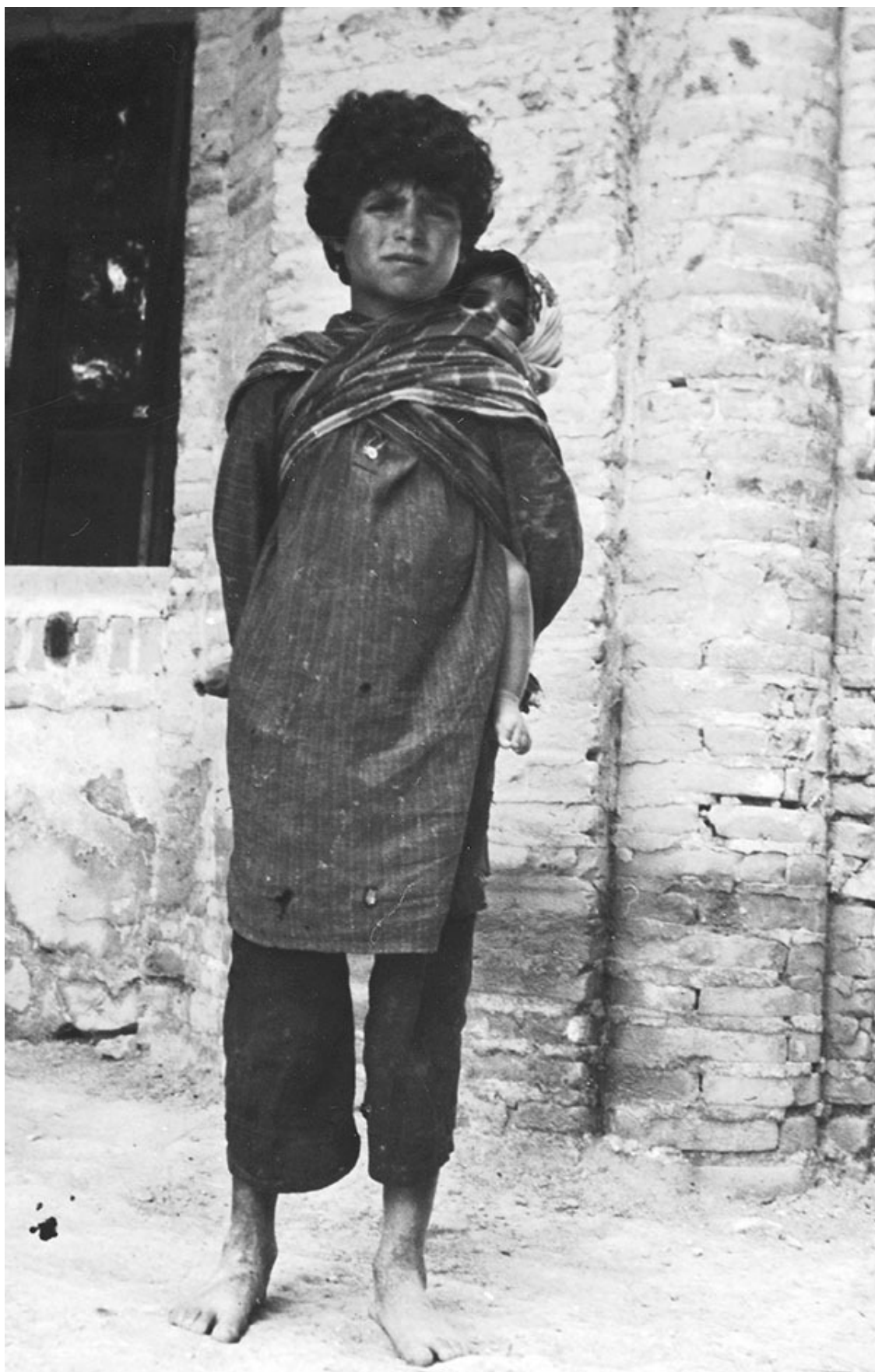

Часть первая

Предисловие

Эта книга доставит читателю мало радости. Она его даже не утешит и не приободрит, в отличие от большинства грустных книг, а ведь считается, что страдания приумножают нравственную силу, если превозмогать их правильно. Мне доводилось слышать, что даже смерть может возвышать человека, но я, признаться, в это не верю: разве можно не видеть ее трагичности? Смерть обладает слишком непостижимой, слишком нечеловеческой мощью... и теряет ее, только когда ты ждешь смерти как единственного и неизбежного выхода из лабиринта своих блужданий.

Да, именно о блужданиях и повествует эта книга, а главная ее тема – безнадежность. Писатель может изо всех сил стараться пробудить в своих читателях участие, но в данном случае это бесполезно: мы можем надеяться на сочувствие и понимание только в том случае, когда наши неудачи объяснимы, когда наши поражения стали результатом упорной борьбы, а страдания имеют какие-то разумные причины. И хотя иногда мы счастливы без всякой причины, мы не имеем права быть беспричинно несчастными. А в такое суровое время, как нынешнее, никому не составляет труда подыскать себе подходящего врага или трагическое стечение обстоятельств.

Герой же этой небольшой книги настолько не герой, что он даже не может назвать своего врага, а еще он так слаб, что прекращает борьбу – до того, как его бесславное поражение становится неизбежным.

Но даже это не самое страшное: читатель едва ли простит, что никто ему толком так и не объяснит, зачем человек отправляется в Персию, в такую далекую и экзотичную страну, чтобы подвергнуть себя странному соблазну. Да, я пишу о блужданиях, поисках пути, и любой житель Европы сейчас знает, сколько людей не справляются с огромным напряжением – напряжением, которое рождается из внутреннего конфликта между потребностью в покое и необходимостью решать различные проблемы: от удовлетворения простых и насущных материальных потребностей до поиска ответов на отвлеченные и тем не менее очень важные вопросы о политическом устройстве, об экономическом, социальном и культурном будущем, – и в итоге никому не удается отделаться малой кровью. А те молодые люди, которые всё-таки пытаются увильнуть, несут на лбу каинову печать предательства, как бы тщательно они ни планировали свой побег.

Примерно так обстоят дела у девушки, написавшей эти строки. Когда я взяла в руки законченную рукопись, то поняла, что ей требуется понятная, недвусмысленная предыстория: только так я смогу удовлетворить читателя и предоставить издателю нормальную книгу. Но я не смогла написать ничего, что не исказило бы главную тему книги – а такой шаг стал бы непозволительной уступкой нашим интеллектуальным и моральным привычкам.

Ибо та безнадежность, та ужасная тщетность любого сопротивления, о которых я написала, уже никак не связана с каиновой печатью бегства, имевшейся в начале. Нет, тут больше не действуют наши масштабы и оправдания, тут просто человек, у которого нет больше сил...

Так неуловима граница между бесчеловечным и сверхчеловеческим – а бескрайние просторы Азии сверхчеловечны: «...даже не враждебны, лишь чересчур огромны»¹. Какое там имеет значение, что умирает какой-то человек? А разве бывает на свете более беспомощный

¹ Цитата из главы «– и человек на краю своих сил». – Здесь и далее примеч. пер.

вскрик, чем этот – «Человек умирает!». Нет, никаких махинаций ради упрощения моего труда и упрощения вашего чтения: опасность бесплотна, страх невыразим – именно это и делает их такими ужасными – и есть пути настолько ужасные, что с них нет возврата.

Иначе зачем умирать?

Смерть противоречит нашему естеству, она наполняет нас беспомощностью. А вот азиаты включили ее в свою религию как ничто, как истинное бытие, как истинную силу. Они ждут ее без напряжения; в то время как нашу жизнь невозможно представить без напряжения, потому что напряжение – ее суть. Вырвавшись из своей среды, оторвавшись от утешительных опор – дыхания, сердцебиения, приятно меняющейся перед глазами картинкой, – приходится в конце концов отдаваться на волю горных ветров, что в клочья рвут наши последние надежды. Куда теперь податься? Вокруг лишь голые камни, базальтово-серые горные гребни, ядовито-желтые пустыни, мертвые лунные долины, меловые ручьи и серебряные реки, несущие вниз по течению мертвых рыб. Куда? О, беспомощность, парализованное крыло души! Здесь до нашего сознания не доходит даже смена дня и ночи, хотя день сияет и не создает теней, а ночь блистает холодными светилами.

Иногда хочется схватиться хотя бы за боль, за горькую тоску по родине и горькое раскаяние, но ты уже не осознаешь своей вины; бесполезно вспоминать начало (кто завел меня сюда наверх?). Вот бы снова иметь возможность кому-то пожаловаться, снова обратиться к другому человеку, снова любить! И ты погружаешься в морскую пучину иллюзии, ты веришь, молишься и забываешь, глядя в любимое лицо, о черном страхе. Но разве это спасет от него?

Вот бы снова проснуться без его цепей, не одинокой и не отданной ему на растерзание! Снова ощутить счастливое дыхание мира!

Вот бы снова жить!

В Тегеране

В Тегеране стояла жара, казалось, что она копится в стенах, как в тандырах, и вечером выползает наружу, заполняя узкие переулки и голые новые улицы, не позволяя посторонним ветрам принести хоть немного ночной прохлады. В садах Шамираана было прохладнее. Но стоило выйти из сада, как тебя окутывал дрожащий белесый свет, где-то в сероватой дымке поднималась стена гор Тучал², едва проступавшая сквозь марево, застилавшее и белое небо, и равнину. Еще месяц назад эта равнина была ярко-зеленой, желтой и землисто-коричневой, по цвету лугов, нив и пашен. Теперь это была голая пустыня, а южнее Тегерана, где находятся руины древнего города Арсакийя, вздымалось и опадало пыльное песчаное море. Там, по дороге на Кум, ночами по-прежнему тянутся караваны верблюдов, звеня колокольчиками...

Кум – священный город. Если ехать из Тегерана в Исфахан, то с дороги можно увидеть золотую мечеть над широкой гладью воды, но дорога огибает город, лишая возможности посетить его базары и постоялые дворы. Еще один золотой купол – мавзолей шаха Абдал-Азима в деревне-оазисе около развалин, а самый золотой и самый священный – город Машхад, далеко на северо-востоке, на древнем пути в Самарканд.

Несколько недель назад шах запретил ношение *kulah-i pahlavi*, головных уборов, названных его же именем, и порекомендовал носить вместо них европейские шляпы, а также решил женщинам снять чадру и выходить на улицу с открытым лицом, и отовсюду стали поступать сообщения о беспорядках, особенно из священных городов. *Kulah* была весьма невзрачной, даже нелепой шапкой вроде фуражки, которая делала своего обладателя похожим то ли на жулика, то ли на бродягу, зато ее можно было развернуть козырьком назад и при молитве касаться лбом земли, как и положено, не обнажая при этом головы. С европейской фетровой или соломенной шляпой, с котелком так не получалось – поэтому муллы решили, что пробил их час, и начали проповедовать – и на тайных собраниях, и во дворах мечетей для широкой публики.

Газеты описывали, с каким ликованием население встретило цивилизованное нововведение, министры и губернаторы давали приемы, на которых предъявляли своих жен без чадры: у входа обычно собиралась толпа, чтобы поглазеть, как из подъезжающих карет выходят жутко сконфуженные и растерянные дамы. Потом во время ужина слуги забирали из гардероба все кулахи гостей, а при выходе из гостеприимного дома им выдавали заранее заготовленные шляпы европейского фасона (*fangani*). Образцовая, практически западная организованность! Примерно так Пётр Великий обрезал бороды своим боярам! В Персии эти бороды продержались дольше – зато теперь иранским дипломатам разрешили носить двухуголки, которые Запад, нетвердым шагом идущий по пути прогресса, ввел после Французской революции, одновременно с правами человека. Сейчас мы видим, что продержалось дольше. В Венгрии все мадьяры, желающие заседать в парламенте и стремящиеся продемонстрировать патриотизм, обязаны отращивать усы и смазывать воском их кончики, чтобы те молодцевато топорщились. Вот только где шаху взять образец для введения старых добрых прав человека?

Из-за проблем с *kulah-i pahlavi* пришлось на три дня закрыть базар в Тегеране. Неужели в Машхаде обстреляли священную мечеть? Говорят, что солдаты отказались стрелять в единоверцев и в святыни, что вместо них отправили армян и евреев. Называют число убитых.

Стояли самые жаркие дни персидского лета. Те сады в Шамираане, что окружены слишком высокими стенами и слишком густо засажены растительностью, стали душными и горячими, как теплицы. Москиты роились над высыхающими прудами. У меня во второй раз началась малярийная лихорадка. По ночам воздух на улице немного остывал, а температура тела

² Вероятно, имеется в виду гора Точал (3964 м) к северу от Тегерана.

повышалась. Когда я снова выбралась из сада, я увидела выжженные окрестности Тегерана. Сады выступали темными островами на фоне монотонной ядовитой желтизны. По проселочной дороге передо мной шагал молодой офицер, его ботинки и гамашы были белыми от пыли. У него были сумка и чехол с каской. Я остановила машину и предложила подвезти. Он улыбался, по обожженному солнцем лицу стекал пот. Мы поехали между высохших полей, над которыми дрожал раскаленный воздух, проехали через маленький базар в Дизашубе, где вдруг стало темно – белыми пятнами мелькали лица продавцов, детей, белые платки женщин. На огромной площади Таджриш было пусто, если не считать нескольких повозок, запряженных тощими белыми лошадьми, оглушенно дремавшими под палящим солнцем. Я смотрела, как офицер идет по пустой площади через мерцающий пыльный свет. На другом краю площади появился жандарм и стал подавать рукой какие-то знаки, явно относившиеся ко мне. Но он, конечно, даже не рассчитывал, что я как-то отреагирую: на такой жаре люди заняты только собой...

Потом я сворачиваю с дороги в сад через большие ворота. Тень и полумрак смыкаются надо мной, как морские волны. Запах прохлады, земли, листвы, аллея и торчащий корень дерева, отбрасывающий машину в сторону, когда пытаешься слишком быстро войти в поворот. На третьей скорости до дверей дома! Я ставлю машину в тени, выхожу, пробегаю по белой террасе, мимо двустворчатых дверей, затянутых тонкой москитной сеткой. Из гостиной доносятся звуки фортепиано. Значит, Садикка еще занимается, думаю я, тут всё по-прежнему, – и облегченно вздыхаю, стряхивая с себя мутный ужас поездки по голой земле, испепеленной беспощадным солнцем.

Садикке тринадцать лет. Это одно из самых прелестных созданий на свете. Лента, повязанная вокруг головы, как диадема, не дает ее темным волосам падать на лоб: одновременно и старомодная девичья прическа, и головка нубийского мальчика. Глаза газели: большие, добрые, золотистые – на нежно-бронзовом лице. Широкая переносица, видно, как Садикка вдыхает и выдыхает. Она жадно втягивает в себя воздух, у нее нежный, ласковый, по-детски восторженный голосок. Выступающие вперед губы Садикки, похожие на распускающийся цветок, наводят на мысли о прелестных дочерях Эхнатона, ее подбородок полон детского упрямства и своенравия, в повороте тонкой шеи читается и гордость, и печаль. Она выглядит младше своих лет, но не по годам серьезна, внимательна, замкнута и чувственна. Я никогда не устаю любоваться ею.

Старшая сестра Садикки лежит рядом со мной под большим деревом. Нам принесли подушки и ледяную воду в запотевших стаканах.

- Я уезжаю, – говорю я.
- К своим английским друзьям?
- Да. В их лагерь в долине Лар.
- Когда?
- Завтра.

Какое-то время мы молчим. До нас доносятся крики с теннисного корта и глухой стук мячей.

- А если у тебя там наверху снова поднимется температура?

Я посмотрела на нее. Она лежала, опершись локтями на подушку, волосы, словно полотнище флага, закрывали лицо. Она красива, но совершенно не похожа на свою младшую сестру. Я подумала, что у нее должна быть черкесская или арабская кровь. Я смотрела на ее слишком бледное, полное слабости лицо с лихорадочно блестящими глазами.

- А у тебя?
- Я больше не меряю, – сказала она, – у меня всегда температура. Но это другое. Я ничего не могу с этим поделать.
- Тебе вредит этот климат, – сказала я.

Она пожала плечами.

– Он нам всем вредит, – сказала она, – но ты же понимаешь, что я не могу подняться в долину Лар! Я бы не перенесла путь туда.

– Может быть, стоит хотя бы попытаться?

Она легко коснулась ладонью моих губ.

– Перестань, – сказала она, – тебе там будет очень хорошо!

Подъем в счастливую долину

В Абали нас ждали мулы. Было восемь часов утра, лучи солнца стекали с перевала нам навстречу. Позади нас осталась дорога, ведущая из Тегерана через унылую пустыню, по застывшему морю холмов, вверх и вниз по желтым дюнам к верхней точке перевала, от которой она жутким серпантинном стремительно спускается вниз, в котловину Рудихин. Два часа на автомобиле, и вот уже всё далеко позади, вот уже всё исчезло – впереди новый день!

Сначала наш путь пролегал в долине, тесно зажатой между двух холмов: растительности по берегам ручья будто не хватало места и она выплескивалась наверх, на склоны, на поля. Роща орешника, за ней виноградник.

Потом перевал. Я смотрела в спину Клода, он сдвинул пробковый шлем на затылок. Мулы терпеливо переставляли свои маленькие копыта по каменной осыпи. Мы поднялись наверх, а там сильный ветер и стремительно несущиеся облака, над далекой равниной они исчезали и не было видно ничего, кроме бескрайнего неба и бедной земли, которые, задыхаясь, жались друг к другу. Мы обернулись: там, за долиной реки, лежала одна из тех необычайных горных цепей, что сложены из песка и только песка; крутые, широкие, непрерывно осыпающиеся склоны напоминали сугробы: в любой момент какой-то пласт может отделиться и обрушиться вниз или мелкая осыпь превратится в лавину. А венчал песчаные горы скалистый гребень, серебристый и неподвижный в синем небе.

Мы начали спуск с перевала в долину, которая казалась почти бездной между двумя горными массивами. Внизу была пустота, это была мертвая долина, отрезанная от мира, от цветов и деревьев – вместо них только камни и зной, впитавшийся во все поры камней. Серые гадюки, серые ящерицы, безжизненно лежащие на камнях – только их глаза были живыми: две черные точки величиной с игольное ушко, и их язычок...

Даже в этих мертвых лунных ущельях то тут, то там попадаются источники. Мы нашли один такой – круглую яму, наполненную водой, зеркальную поверхность которой едва-едва колыхала струйка воды, словно там билось сердце маленькой птички.

Мы пили лежа, упираясь руками в землю. Сонные мулы стояли рядом, а овцы на склоне сбились в круг, опустив головы, и искали собственную тень. Они ждали, когда кончится день.

В полузабытьи мы начали подъем на второй перевал. Даже погонщики перестали петь, хотя их пение невероятно созвучно сонному шагу вереницы мулов, овеваемых полуденным горным ветром.

Мы поднялись выше границы леса. Над нами скалы, которые низвергаются в небо, как прибрежные скалы низвергаются в море. Внезапно появляются верблюды, похожие на мифических животных, они вытягивают длинные шеи и шагают параллельно узким полосам травы. Дружно щиплют траву и дружно поднимают шеи. Они останавливаются над нами и кажутся такими большими и грозными, что мы боимся, как бы они не бросились с небес вниз, на нас. Но они идут дальше, тряся горбами, ступая своими голенастыми ногами, и мы встречаемся с ними в верхней точке перевала. А за ними уже открывается волшебный вид – пирамида Дамаванда.

Теперь мы всё время двигаемся в сторону Дамаванда. Пологий спуск с перевала ведет в каменное ущелье и потом в широкую долину. У нас уходит целый час на то, чтобы пересечь ее; Дамаванд в конце долины не меняется в размерах, как Луна, это гладкая пирамида, с какой стороны на него ни посмотри. Зимой он белый, неземной белизны, как облака. Сейчас, в июле, он полосатый, как зебра. Наверху можно разглядеть клубы сернистого дыма, выходящего из древнего кратера Бикни. Так называли эту гору ассирийцы, когда записали, что новый народ «дальних мидян» расселился у ее подножия, – но они не знали о том, что когда-то она была огнедышащей. Вулкан потух три тысячи лет назад! В незапамятные времена!

Широкая котловина перед нами – это еще не долина Лар. Множество долин, с названиями и безымянные, объединяют тут свои пенистые ручьи – их истоки теряются где-то в голубых горных отрогах. На лугах, по которым мы сейчас идем, стоят лагеря кочевников. У них такие же черные шатры из козьей шерсти, как в пустынях Месопотамии, в Курдских горах, в плодородной Сирии, в Палестине; я вижу перед собой путь, по которому уже ходила – по древним странам Передней Азии... И в конце пути эта долина! Выжженная, желтая! Черные козы и желтые курдючные бараны бредут мимо, бесформенной массой, и топот тысяч семенящих копыт звучит как шум ветра. Не таков стрекот мириад кузнечиков – ты идешь по сухим соломинкам, по пергаментным крыльям и телам, по живой массе, напоминающей всепоглощающий пожар.

Мой мул оступается и падает. Попона соскальзывает, я спрыгиваю. Я что, заснула? Погонщики ругаются. Мы идем дальше...

Спустя восемь часов пути мы достигаем края котловины и подходим к ущелью, напоминающему ворота, обрамленные двумя скалами-башнями. Потом поворот, и мы видим в долине белые палатки.

Белые палатки нашего лагеря

Палатки стоят в ряд на зеленой поляне у самого берега реки. Они привезены из Индии, эти палатки еще называют «швейцарскими домиками». Они состоят из двух частей – тент от солнца натянут над внутренним помещением из утепленной желтой ткани. Таким образом, перед каждой палаткой имеется маленькая тенистая терраса, там можно сидеть по утрам с книгой или что-то писать, пока быстрая река у наших ног мирно бежит вниз по долине. Там, куда она течет, виднеется неизменная и сверкающая пирамида Дамаванда. По обе стороны долины – серые скалы, почти серебристые, – а над ними южное, не запятнанное облаками и невероятно яркое темно-синее небо.

После полудня долина становится белой от света. К пяти часам, когда мы достаем из-за палаток удочки, тени удлиняются. Вода пока что серебристая, но скоро станет черной. Пока еще приятно раздеться и залезть в воду, отдаться на волю сильного течения. Приходится хвататься руками за округлые, гладкие камни... У берега всегда дует ветер; быстро высыхаешь, одновременно чувствуешь затылком солнечный жар и зябнешь...

На другом берегу, напротив лагеря, на холме из гравия находится чайхана. Подобно нашим шале на самых высоких овечьих пастбищах у перевала Йулийир, она сложена из круглых камней и расположена под защитой склона таким образом, что крыша и склон переходят друг в друга. Тут заканчивается перевал Афийа, древняя вьючная тропа, ведущая из долины Джайдж-Руд в долину Лар. Далее, огибая Дамаванд, тропа спускается в Мазандаран.

Прекрасно само звучание этого имени – Мазандаран, тропическая область у Каспийского моря. Там царят джунгли, дремучие леса, влажность, малярия. Западнее, в соседней провинции Гилан, осушают рисовые поля, а китайцы приобщают малярийных крестьян к древней чайной культуре. В маленьких приморских деревушках живут русские рыбаки, добывающие икру.

К востоку начинаются степи, пастбища пендинских и текинских туркмен – ковры красного цвета или цвета верблюжьей шерсти, ряды юрт, седельные сумки. Они разводят лошадей, осенью семилетние карапузы устраивают на этих лошадях скачки. В порту Красноводск начинается российская железная дорога, одинокая рельсовая нить, тянущаяся через степь: в Мерв, Бухару, Самарканд. А там уже недалеко и до кудрявых таджиков, что населяют свою советскую республику в горах Памира. Азия...

Из наших палаток мы наблюдаем за происходящим на другом берегу. За гору заворачивает караван мулов, до нас доносятся звон колокольчиков и крики погонщиков. Другие караваны идут вверх по долине, их видно издалека. Попадают ослы, всадники на лошадях, иногда верблюды. Караваны, кочевники, солдаты. Солдаты с раскосыми глазами, загорелые, сидят в седлах, вытягивая вперед ноги, скачут с опущенными поводьями. Все делают остановку у чайханы; многие остаются там на ночь.

У реки, там, где густая трава, пасутся животные, иногда они лежат на песчаных отмелях. В темноте мы видим на том берегу красный огонь: он виден через дверной проем чайханы, а внутри вокруг самовара сидят мужчины...

Воспоминания о Москве

Начало августа. Год назад я была в России. Жара, улицы Москвы раскалены, в небе – бесконечные белые облака, а над летным полем кружат самолеты, они срываются вниз и снова поднимаются, как парусники на бурных волнах. Молодежь увлечена прыжками с парашютом; парашютисты бросались в головокружительную пустоту с пяти, с шести тысяч метров, они летели в свободном падении, как брошенные с высоты камни, и при этом пели, чтобы не погибнуть от давления воздуха. Обрывки их героического пения доносились до нас. И совсем низко, на уровне серебристых шпилей радиобашен они раскрывали парашюты и медленно спускались на землю. Сколько это длилось? Несколько минут? Я видела, как они падают, ужасно медленно, а потом вдруг останавливаются и парят. Этот переход занимал доли секунды. Семнадцатилетняя работница прыгнула с трех тысяч метров и погибла. Потом ее нашли: рука намертво вцепилась в лямку комбинезона вместо троса, раскрывающего парашют. Может быть, ее объявили «народной героиней»?

Жажда подвигов подстегивала молодежь, юноши и девушки в белой форме или в промасленных робах метростроевцев заполняли улицы. До поздней ночи. В День молодежи они шли колоннами по Красной площади целых десять часов. Каждый день они толпились и перед Дворцом съездов, и в коридорах старинного особняка, чтобы увидеть выступления литераторов. Сначала Горького, потом молодых авторов. От писателей требовали книг о России, о матросах, летчиках, ученых, метростроевцах, колхозниках, еще о женщинах, школьниках, героях-парашютистах. Становилось страшно за судьбу искусства...

«Зачем вам понадобилось ехать в Персию?» – спросил меня Мальро³. Ему были знакомы руины Арсакии. Знакома была ему и страсть к раскопкам. Он много размышлял о человеческих страстях, видел их насквозь и склонялся к тому, что все они мало чего стоят, кроме того, что остается в итоге – страдания. Он спросил: «Только из-за названия? Только чтобы уехать подальше?» И я вспомнила чудовищную печаль Персии...

Я тогда много общалась с Евой. Ее муж был членом партии, он строго и убежденно говорил о том, что в новые времена, вот прямо сейчас нужно бороться за единство людей, из которого родится общество будущего.

Он называл себя «товарищ», но был очень одинок среди своих товарищей, ибо испокон веков одаренный человек одиноко стоит в стороне и стремится к признанию. Он был воспитанником иезуитов, потом горько разочаровался и отбросил их *credo quia absurdum*⁴, отрекся от высоких духовных стремлений, отказался идти на компромисс и мириться с недостатками этого мира, отрицая их существование, держа массы в мучительном послушании, обещая людям счастье на том свете, усмиряя революционные импульсы молодежи (вечного гаранта прогрессивных устремлений человечества) и ставя их на службу господствующим порядкам с помощью милитаристской дисциплины и культа самопожертвования. Всё это он отверг, глядя на окружавшее его насилие, на вопиющую нужду и несправедливость, на усиление реакционеров и на страдания людей.

«Вы читали „Годы решений“ Шпенглера? – спросил он. – Столько рассудительности, столько прозорливости... но почему этот „храбрый пессимист“ так безоговорочно встает на

³ Андре Мальро (1901–1976) – французский писатель, культуролог, герой Французского сопротивления, идеолог Пятой республики, министр культуры в правительстве де Голля (1959–1969). В 1920–1930-е годы пять раз побывал в СССР. Аннемари Шварценбах бывала в СССР трижды: в 1934 году она проехала через страну по пути из Тегерана в Европу, а спустя несколько месяцев вместе с Клаусом Манном посетила съезд советских писателей в Москве. В третий раз Аннемари приехала в Москву в 1937 году, чтобы вывезти фотоархив швейцарского альпиниста Лоренца Саладина, погибшего в 1936 году при восхождении на вершину Хан-Тенгри в Средней Азии.

⁴ *Credo quia absurdum* («Верую, ибо абсурдно») – латинское выражение, приписываемое Тертуллиану.

сторону умирающего мира? Почему он ненавидит всё новое, незнакомое, всё, что пребывает пока в родовых муках и подростковых страданиях? Рабочих, целую часть света – Азию, тамошние народы, доросшие до исторического сознания? Почему мы должны отдавать предпочтение не новому, а нашим монархиям, пусть даже самым конституционным, которым никакой офицерский корпус не поможет остановить этот трагический разворот истории? Он упрямо и услужливо предан миру господ – но мы, поколение, обреченное на борьбу и смерть, хотим быть на стороне будущего».

Он работал днем и ночью. Изможденный, исхудавший, горящий внутренним огнем, он напоминал то ли воинственного монаха, то ли ученого. Он носил обычные городские костюмы – темно-синие, с галстуком. Его жена была изящной блондинкой, тихой и страдающей от тоски по дому. Она выросла в крестьянской семье в Гольштейне, там ей и было написано на роду провести всю жизнь, с младшими братьями, варить варенье, печь, кормить куриц и ухаживать за большим садом. Ее мужу предстояла полугодовая командировка в Сибирь – она очень боялась.

– Ну а чего ты хочешь, – сказал он (мы сидели втроем за ночной трапезой), – революция – это не шутки, революцию делают не на съезде писателей.

– Разве ты не можешь взять меня с собой?

– Ни в коем случае. Ты будешь мне только мешать.

– Может быть, тогда мне лучше уехать в Швейцарию? – робко спросила она.

– В Швейцарию, – сердито повторил он, – в Аскону⁵, к друзьям – почему бы не сразу в Германию? Ты это серьезно?

Она заплакала.

Он повернулся ко мне.

– Вы не могли бы объяснить Еве? – спросил он. – Я хочу, чтобы она осталась в Москве, чтобы поступила работницей на ткацкую фабрику. Объясните же ей: как мне потом оправдываться перед товарищами за то, что моя жена поехала развлекаться в Аскону. У меня должна быть жена, выполняющая свой долг.

– Она скучает по родине, – сказала я.

– А вы? – резко спросил он. – Вы разве не скучаете? Почему вы выбрали трудную жизнь?

Потом он ушел на какое-то ночное собрание. Мы с Евой остались сидеть за столом. Она вспоминает Гольштейн, подумала я, вспоминает пастбище в Гольштейне с пятнистыми коровами, вспоминает кусты смородины. А я вспоминаю берег озера у дома...

Ева перестала плакать.

Настал день, когда я оказалась на борту небольшого русского парохода в Каспийском море, а следующим вечером прибыла в Пахлави. Шел дождь. На песчаном берегу, по которому хлестал ливень, сидел орлан-белохвост и смотрел на море. Стоял сентябрь, лето закончилось, и Россия тоже закончилась: скрылись из вида виноградники и зеленые холмы Грузии, потом началась полупустыня между Тбилиси и Баку, снова Азия, далекий караванный путь и первые верблюды...

Военно-Грузинская дорога превратилась в воспоминание. Ущелья с прохладной, пенящейся водой, высокие горные кряжи, а за ними вдруг уходящая из облаков в синеву вершина Казбека. Летние вечера в селениях...

В Пахлави меня встретил друг. Мы поехали вдоль берега, так близко к воде, что иногда волны закатывались под машину, и тогда шлейф брызг вылетал из-под колес. Влажный песок был тяжелым, как снег. Стемнело, за дюнами в сумраке и тумане прятались джунгли Рашта. В тумане светились огни, горевшие в открытых хижинах, там под низкими соломенными крышами сидели гиланские крестьяне – в свете красноватых ламп можно было разглядеть их при-

⁵ Аскона (Ascona, итал.) – городок в Швейцарии, где в начале XX века на холме Монте-Верита существовало поселение художников, философов и разного рода прогрессивных мыслителей из Европы и Америки.

зрачно-бледные, малярийные лица. Ветер трепал деревья, иссохшие за лето, а теперь сбрасывавшие листву. На торговых улицах деревень было светло: там в каждой лавке горела лампа, пекари стояли в свете своих круглых печей и бросали румяные лепешки на скатерти для просушки. Продавались дыни и баклажаны, фиолетовые и темно-зеленые, и еще сотни видов овощей и приправ. Продавалась водка и арак в белых бутылках. Торговцы безмятежно сидели на корточках за корзинами с товаром.

Мы заночевали в Раште. На следующий день дождь не перестал. Мы поехали вверх по долине реки Сафид-Руд к перевалу Казвин. По ту сторону перевала открылась равнина, на ней – оазис с городом Казвин. За разноцветными воротами этого города снова тянулась равнина, на юг до самого Тегерана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.